

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-25-48

Опыт работы русской финансовой разведки в Японии (по материалам поездки Л.В. фон Гойера в 1909 г.)

Р.С. Авилов

Аннотация. В статье, на основе впервые введённых в научный оборот документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), исследуется история работы русской финансовой разведки на японском направлении в 1909 г. Получивший широкое распространение накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. тезис о невозможности для Японии вести войну с Россией из-за недостатка средств оказался ошибочным. Это обусловило рост внимания России к состоянию японских финансов уже в послевоенный период. Установлено, что с подписанием в 1907 г. серии русско-японских соглашений интерес к состоянию японских финансов только возрос. Возобновивший работу в стране в 1906 г. военный агент В.К. Самойлов фиксировал планомерную реализацию новых военных программ и проводимые в армии преобразования. В связи с этим, для оценки финансовых возможностей Японии по своевременному завершению этих программ и вступлению в новую войну, в страну был направлен агент министерства финансов в Китае Л.В. фон Гойер. Установлено, что он работал в тесной координации с В.К. Самойловым и имел доступ ко всей полученной им военной информации. В статье рассмотрена методика анализа им японского бюджета и финансовых документов. Сделан вывод о хорошем знании русским финансистом японской экономики, финансовой системы и общества. Высокое качество проведённого им анализа обусловило точность выводов. Констатировано, что два вывода Л.В. фон Гойера имели большое значение для оборонной политики России и подготовки империи к Первой мировой войне. Он доложил министру финансов и будущему премьер министру В.Н. Коковцову, что утверждение о сокращении финансирования военных и военно-морских программ с высокой долей вероятности является ошибочным, однако до их завершения в 1914–1915 гг. Япония в новую войну не вступит. Эти данные позволили русскому военному и внешнеполитическому ведомствам сбалансировать оборонную политику империи на западных и восточных границах.

Ключевые слова: Япония, Дальний Восток, финансовая разведка, Л.В. фон Гойер, В.К. Самойлов, В.Н. Коковцов, Приамурский военный округ, Первая мировая война.

Автор: Авилов Роман Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (адрес: 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Авилов Р.С. Опыт работы русской финансовой разведки в Японии (по материалам поездки Л.В. фон Гойера в 1909 г.) // Японские исследования. 2021. № 1. С. 25–48. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-25-48

The experience of the work of Russian financial intelligence in Japan (based on the materials of a visit of Lev V. von Goyer in 1909)

R.S. Avilov

Abstract. This article is based on a large body of unpublished documents from the State Archive of Russian Federation (SARF). The author analyzes the history of the work of the Russian financial intelligence in Japan in 1909. The position concerning the impossibility for Japan to fight with Russia for the financial reasons was very popular in Russia before the Russo-Japanese War of 1904–1905, but was wrong. It caused the special interest in Russia to the Japanese financial system after the war. The conclusive series of Russo-Japanese agreements in 1907 just augment this interest. The Russian military attaché in Japan Colonel Vladimir K. Samoylov recommenced his service in Japan in 1906, and found in Japan a systematic realization of the postwar military program and reforms. Consequently, the Russian financial agent in China Lev W. von Goyer was delivered to Japan to investigate the possibilities of its realization in time and a Japanese capability to participate in new war. He worked in close coordination with Vladimir K. Samoylov and had access to whole his military information. The article explored how von Goyer investigated the Japanese budget and other financial documents. The analyses of his report gave a possibility to conclude his high level of knowledge about Japanese economy, financial system and society. The top quality of his researches determined the accuracy of the conclusions. Two of them had a great importance for the Russian defense policy and the Empire preparation to the World War I. He reported to the Minister of Finance and future Prime Minister Vladimir N. Kokovtsov, that the opinion of reduction funding the Japanese military and naval program is wrong with a high probability. However, Japan will not enter in a new war before it will be finished in 1914–1915. This information let Russian War Ministry and Ministry of Foreign Affairs to balance the defense policy of the Empire on west and east borders.

Keywords: Japan, Far East, financial intelligence, Lev V. von Goyer, Vladimir K. Samoylov, Vladimir N. Kokovtsov, Priamur Military District, World War I.

Author: Avilov Roman S., PhD (History), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS (address: 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Avilov R.S. (2021). Opyt raboty russkoy finansovoy razvedki v Yaponii (po materialam poyezdki L.V. fon Goyera v 1909 g.) [The experience of the work of Russian financial intelligence in Japan (based on the materials of a visit of Lev V. von Goyer in 1909)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*. 2021, 1, 25–48. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-25-48

Постановка проблемы

Вступая в ночь с 26 на 27 января 1904 г. в Русско-японскую войну, в оценке финансов противника ошиблись обе страны: и Япония, и Россия. В Японии, даже в печатных изданиях общества *Кокурюкай*, указывалось, что «финансовое положение России печально», «далеко не удовлетворительно», и в целом «русские финансы шатки». Русская разведка об этом факте знала ещё в 1901 г.¹ В свою очередь русские военные аналитики оценивали японские

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 283 об.–284.

финансы не менее пессимистично: «В настоящее время экономическое положение Японии далеко не может быть признано блестящим. Правительство нуждается в деньгах, больших капиталов нет и у частных лиц. Если доселе бюджет Японии и обходился без большого дефицита, не смотря на громадные расходы, то только благодаря Китайской контрибуции и сделанному в прошлом году займу»². Из этого в русском Военном министерстве, а вслед за этим и в остальных верхних эшелонах власти, долгое время делался ошибочный вывод, что до восстановления финансовой стабильности империя Микадо воевать с Россией не сможет. При этом возможность эффективного ведения войны в кредит не рассматривалась обеими сторонами. Впоследствии России пришлось восстанавливать пошатнувшееся финансовое положение займом во Франции номинальной стоимостью в 2250 млн франков [Игнатъев А.В., 1989, с. 289; Коковцов В.Н., 2004, с. 125–144]. Япония же, как оказалось, тоже провела войну с Россией, в значительной степени на внешние заимствования, в том числе в банках США, причём только за время войны общее количество займов достигло 1 млрд 263 млн иен [Шулатов Я.А., 2008, с. 111–112], что стало для русского Министерства финансов неприятным сюрпризом.

Очевидно, что после столь серьёзной ошибки в России должны были весьма пристально следить за финансовым положением Японии, её бюджетной политикой, ходом финансирования военных и военно-морских программ. Однако ни одного специального исследования этой проблемы в отечественной, равно как и в зарубежной историографии, до сих пор нет. Ответ на этот вопрос не дают ни работы отечественных специалистов по истории русско-японских отношений [Кутаков Л.Н., 1988; Маринов В.А., 1974; Молодяков В.Э., 2005; Молодяков В.Э., 2012; Подалко П.Э., 2004; Саркисов К.О., 2015], ни исследования по истории русской разведки [Алексеев М.Ю., 1998], ни уж тем более работы зарубежных авторов, подавляющее большинство которых не имеет возможности систематически работать в российских архивах. Единственным исключением является работа Я.А. Шулатова, специально занимавшегося изучением «японской угрозы» глазами российских военных и дипломатов и эволюцией восприятия Японии военно-политической элитой России в 1905–1914 гг. Однако и он рассматривает вопросы сбора и анализа информации о Японии русским Министерством финансов только для периода 1904–1906 гг. (на основании донесений агента Министерства финансов в Шанхае Н.А. Распопова, а со второй половины 1906 г. – агента того же министерства в Японии Г.А. Виленкина), т.е. до получения Японией во Франции в 1907 г. крупного займа на 300 млн франков и заключения русско-японской общеполитической конвенции 17 (30) июля 1907 г. Для более позднего периода он анализирует лишь финансовые данные, собранные русским военно-морским агентом в Японии А.Н. Воскресенским за 1912–1914 гг. [Шулатов Я.А., 2008, с. 39–40, 111–114, 222–224, 232–233]. Несмотря на высочайший научный уровень этих работ, ни в одной из них имя Л.В. фон Гойера даже не упоминается. Таким образом, цель этой статьи – осветить итоги работы русской финансовой разведки на японском направлении к 1909 г., как имеющие большое значение для оценки военной политики Японии и понимания глубинных причин постепенной эволюции взглядов Петербурга на русско-японские отношения.

² ОР РГБ. Ф. 271. Карт. 11. Ед. хр. 1. Л. 123–125.

Л.В. фон Гойер и трудности сбора финансовой информации

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. работа по сбору имевшей военное значение информации непосредственно на территории Японии была возобновлена в 1906 г., одновременно с возвращением в эту страну русского военного агента полковника В.К. Самойлова [Подалко П.Э., 2001, с. 78–79; Подалко П.Э., 2002, с. 366–367; Подалко П.Э., 2004, с. 84–85]. Параллельно продолжала функционировать и созданная А.И. Павловым в годы войны шанхайская агентура, японская часть которой к 1909 г. курировалась агентом русского министерства финансов в Китае³.

Несмотря на недостаточное финансирование, и периодически демонстрируемое центральным аппаратом Военного министерства полное непонимание специфики работы в Японии, В.К. Самойлов развил в стране достаточно бурную деятельность, снабжая Петербург ценными военными сведениями [Подалко П.Э., 2001, с. 73–109; Подалко П.Э., 2002, с. 366–387; Подалко П.Э., 2004, с. 84–115]. Особый интерес он проявлял к финансовой политике Японии, поскольку, во-первых, знал о предвоенной ошибке, а во-вторых, часть финансовой документации публиковалась в открытой печати, что позволяло делать определённые выводы о военной политике. Японцы об этом знали и проявляли чудеса изворотливости в вопросах публикации «цифровых данных», анализ которых требовал хорошей экономической подготовки. У русского военного агента такой подготовки не было.

Тем не менее, к 1909 г. даже В.К. Самойлову стало очевидно, что в вопросах бюджетной политики японцы ведут двойную бухгалтерию, но чтобы разобраться в её тонкостях, нужен был не генштабист, а финансист. Причём хорошо знавший страны Дальнего Востока, имевший опыт работы в регионе (в идеале – в Японии) и в разведке. Последнее предполагало умение анализировать неполные, противоречивые, и, с высокой долей вероятности, частично недостоверные данные таким образом, чтобы результат более-менее отражал реальное положение дел, а не сводился к набору сомнительных предположений, которые невозможно проверить. Таких людей в империи были единицы. Одним из них был Лев Викторович фон Гойер.

Биография этого человека разработана до крайности слабо, а энциклопедические справки о нём содержат большие хронологические лакуны и множество белых пятен. Он родился 27 января 1875 г. в Минске. В 1899 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1903 г. – состоял на службе в Министерстве финансов. Работал на разных должностях в Китае и Японии. В феврале 1911 г. назначен чиновником особых поручений Министерства финансов и представителем Русско-Азиатского банка в Китае, в 1916 г. – в Китае и Японии, в декабре 1918 г. – в Сибири и Средней Азии. Директор Шанхайского отделения и член правления Русско-Азиатского банка. С июля 1919 г. – член Государственного экономического совещания. С августа по ноябрь 1919 г. занимал должность министра финансов Омского правительства А.В. Колчака. Второй министр финансов в правительстве А.В. Колчака. После Гражданской войны жил в эмиграции в Шанхае, затем в Париже, где и скончался в 1939 г. [Алексеев М.Ю., Печкалов А.В., 2019, с. 243–244; Шишкин В.И., 2009, с. 394].

³ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

Между тем к началу Русско-японской войны 1904–1905 гг. он уже успел поработать несколько лет в Японии вместе с Л.Ф. Давыдовым, во время войны, будучи титулярным советником, работал в шанхайской агентуре А.И. Павлова, где прекрасно себя зарекомендовал. Специалисты по истории разведки очень высоко оценивают его записку с описанием техники работы японской разведки в Шанхае. Тогда же он лично познакомился с Н.А. Распоповым [Павлов Д.Б., 2005, с. 53–72; Павлов Д.Б., 2004, с. 297–298, 300–357, 428–447]. В мае 1906 г. сохранившаяся после войны шанхайская агентура А.И. Павлова была передана под контроль Л.В. фон Гойера [Павлов Д.Б., 2004, с. 356–357], и управлялась им как минимум до 1909 г.⁴ В 1908–1910 гг. он был агентом Министерства финансов в Китае, где достаточно успешно занимался сбором разного рода сведений, далеко не только финансового характера, о Китае и Японии в интересах своего ведомства.

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. агент Министерства финансов Л.В. фон Гойер ездил в Японию как минимум дважды. Первый раз в августе 1908 г., однако об этом визите каких-либо сведений разыскать пока не удалось, а затем в апреле 1909 г. По итогам второго визита он написал подробнейший отчёт министру финансов Российской империи В.Н. Коковцову, датированный 28 мая 1909 г. Причин поездки было две. Во-первых, перед отъездом в разрешённый В.Н. Коковцовым отпуск он хотел встретиться с русским послом в Токио Н.А. Малевским-Малевичем, чтобы испросить указания относительно постановки работы японской части шанхайской агентуры во время его отсутствия и «для ликвидации таковой в случае временной приостановки её функций». Во-вторых, воспользоваться «своим пребыванием в Японии для проверки на месте ряда сведений, полученных с разных сторон за последнее полугодие, и для проведения на основании также и личных наблюдений общего итога всем материалам и данным, рисующим политическое, финансовое и военное положение Японии в настоящее время». Он оценивал эту страну как политически молодую, с высокой интенсивностью жизни и необычайно быстрым течением событий⁵.

Для анализа ситуации в Японии он использовал как собранные через собственную агентуру сведения, так и данные, предоставленные в его распоряжение В.К. Самойловым, с которым он встретился сразу по прибытии⁶. За время его визита в Японию была проведена серьёзная аналитическая работа по самому широкому спектру вопросов: инвестиционный климат, внешние займы, бюджетная политика, настроения масс и социальные прогнозы, военные программы и расходы, внешнеполитические задачи.

Социально-экономическая ситуация в Японии

В первую очередь Л.В. фон Гойер занялся оценкой социально-экономической ситуации в стране. Его общее впечатление сводилось к тому, что «всё население почти без различия классов удручено не прекращающимся экономическим кризисом и встревожено тем, что жизнь дорожает с каждым днём и средства к существованию не увеличиваются». Разговоры о торговом застое и безденежье он слышал почти повсеместно, что вполне соотносилось с имевшимися в его распоряжении данными. Японский экспорт всё ещё не мог восстановиться. Продолжался торгово-промышленный застой, вызванный отсутствием

⁴ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

⁶ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 5 об.

в стране свободных денег, а также взаимным недоверием торговых и промышленных кругов друг к другу. По мнению русского финансиста и то и другое было результатом неосторожных и отчасти дутых операций в эпоху последовавшего после войны всеобщего подъёма. «Деньги, занятые Правительством за границей во время войны и перешедшие в руки народа были зря проспекулированы, и следствием этого явилось ясно ныне обозначившееся чувство недоверия ко всяким новым торгово-промышленным планам и предприятиям. То обстоятельство, что даже чисто государственные фонды стоят лучше за последнее время, в сущности находит себе объяснение в том, что запуганный обыватель не доверяющий иным помещениям, предпочитает хранить свои деньги в верхних банках и получать по ним хотя бы и скромный процент, банки же, принуждённые уплачивать эти проценты и не имеющие возможности совершать выгодные и в то же время обеспеченные операции вследствие общего делового застоя, прибегают к покупке государственных бумаг»⁷. Страну продолжали сотрясать скандалы, такие как разоблачение злоупотреблений Общества токийских железных дорог, или случившееся незадолго до приезда Л.В. фон Гойера банкротство компании японских сахарных заводов.

С одной стороны, всё это в глазах общества было доказательством недобросовестности крупнейших японских предпринимателей и общественных деятелей, подкупности членов Парламента и явно не способствовало восстановлению несколько пошатнувшегося доверия общества к элитам. С другой – снижало инвестиционную привлекательность Японии в глазах иностранных предпринимателей, наглядно показывая, что пока ещё не настало время для вложения денег в японские торгово-промышленные предприятия, и что настанет оно лишь тогда, «когда коммерческая этика японцев поднимется до уровня европейских торговых стран, и когда коренным образом изменится их отношение к иностранцам, то и другое вероятно совершится, но скоро ли»⁸? Проживший много лет на востоке чиновник русского Министерства финансов отчётливо ощущал, что Япония ещё не могла отрешиться от наследия более чем полувекового прошлого – отношение к иностранцам оставалось враждебным и подозрительным. Иностранцы отвечали на это взаимностью.

При этом, с одной стороны, страна более чем когда-либо прежде испытывала потребность в приливе иностранных капиталов для дальнейшего развития промышленности и урегулирования расчётного баланса государства. С другой, рассчитывать на частные инвестиции крупных европейских и американских промышленников не приходилось. Русские специалисты отчётливо зафиксировали действия японских властей в этой ситуации. Ряд цифр и операций Л.В. фон Гойер знал точно. Пользуясь тем, что государственный кредит Японии в 1909 г. стоял сравнительно выше, чем в предыдущие годы (это объяснялось, главным образом, проведённым правящим кабинетом Кацура Таро мнимым упорядочением государственного хозяйства страны посредством сокращения в бюджете непроизводительных расходов), был совершён ряд иностранных займов. Однако сделаны они были не Министерством финансов, а местными городскими муниципалитетами, т.е. носили полуправительственный характер. Всего только три города заняли около 40 млн иен. В свою очередь Правительство, воспользовавшись удобным моментом на лондонском рынке, стало усиленно выводить бонды казначейства и реализовать их там. За предшествовавшие поездке

⁷ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1 об.

⁸ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1 об.–2.

Л.В. фон Гойера месяцы, бондов было вывезено на сумму более 20 млн иен. Параллельно с приведёнными займами было совершено и несколько внутренних займов на сумму около 20 млн, в чём многие усмотрели признак улучшения финансового состояния внутреннего рынка. Русский финансист в этом сильно сомневался, «ибо с одной стороны дают деньги банки, в которых, как выше было указано, иммобилизованы деньги не предприимчивых капиталистов, и дают они их в частности таким крупным и известным фирмам и предприятиям, как паровой фирме Осака Шозен Кайша, Хоккайдовской колонизационной компании, бумагопрядильным и ткацким заводам Фудзи и Ниссин, дают в размере около двух миллионов из семи, восьми процентов, что более всего указывает на стеснённое положение этих крупных фирм»⁹. Тем не менее, много лет следивший за положением дел в Китае Л.В. фон Гойер понимал, что рынки Поднебесной и Страны восходящего солнца сильно связаны, и раз дела пошли лучше в Китае, значит улучшение в скором времени можно ожидать и в Японии.

Ощутимо влияя на настроения в японском обществе, усталость страны от продолжительного кризиса играла России только на руку. «Последний, – отмечал фон Гойер, – впрочем, имел благоприятные результаты: не ему ли следует отчасти приписать то более мирное, и я сказал бы, более оседлое настроение, какое ныне ощущается среди населения. Ибо от внимательного наблюдателя не может ускользнуть такая разница в настроении масс, какая сказывается ныне в сравнении с тем, что было в пятилетие до войны и сейчас после окончания кампании. Насколько в то время чувствовалось, что всё внимание и все силы страны были обращены в сторону предстоящей неизбежной войны, что всё население, забыв остальные дела и заботы, сосредоточилось на мысли о роковой борьбе за существование, настолько теперь становится всё яснее, что народ стряхнул с себя кровавый кошмар войны и с чувством удовлетворённого самолюбия стал жить вновь жизнью нормальной, обывательской. Я не хочу этим сказать, что в стране не чувствовался бы больше дух милитаризма, нет, военные приготовления идут своим чередом, но это только милитаризм сверху, с пока дружелюбной пассивностью снизу»¹⁰.

В этом русский финансист видел принципиально новое и самое интересное явление последнего времени в Японии: «Правительство упорно и неукоснительно идёт по пути дальнейших вооружений и в целях политических тщательно скрывает это не только от иностранцев, но и от своего народа. Последний, быть может, под давлением тяжёлых экономических условий, явно проникся более мирным духом, и как будто желал бы, чтобы, покончив с эпохой лихорадочного напряжения, жизнь страны вошла в обыденные рамки. Это течение в народе настолько сильно, что большинство иностранцев, поддаваясь этому настроению, пришли к довольно ошибочному заключению “о миролюбивых планах Японии” и об окончании воинственной эры Империи. Правительство от своей политики не отказалось, оно не отказалось от намеченных задач...»¹¹. Вероятность того, что со временем это приведёт к изменению социальной структуры японского общества с постепенным переходом власти под контроль «внеклановой буржуазии», что будет иметь последствием упадок милитаризма и сближение Японии с Россией, существовала, но лишь как перспектива весьма отдалённого будущего. «Пока же будет существовать нынешний олигархический режим

⁹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 2–2 об.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 3.

¹¹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 3–3 об.

нельзя ожидать, чтобы Япония искренне протянула нам руку. Она будет продолжать свою “континентальную политику”, которая неминуемо приведёт к новому столкновению с Китаем и Россией. И Правительство ясно сознаёт это и потому так усердно вооружается, стараясь в то же время усыпить внимание иностранных держав»¹².

Военные расходы: проблема анализа

После заключения к 1907 г. серии русско-японских договоров [Кутаков Л.Н., 1988, с. 288–306; Молодяков В.Э., 2005, с. 121–133; Саркисов К.О., 2015, с. 336–375; Шулатов Я.А., 2008, с. 130–138] дискуссии в русской элите по проблеме усиления обороноспособности России на Дальнем Востоке были очень жёсткими. Военные, как и накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг., категорически не хотели конфликта с Японией, но и не желали снова оказаться к нему неготовыми, если вдруг Япония опять нападёт первой. Поступавшие от военной и военно-морской разведки данные свидетельствовали о планомерной реализации Страной восходящего солнца принятых сразу после войны военных и военно-морских программ¹³, что сильно напоминало ситуацию 1896–1903 гг. [Добычина Е.В., 2003, с. 54–56, 100–113, 156–179]. Дать убедительные разъяснения о целях усиления сухопутной армии Японии до заложенных в программе параметров русский МИД не мог. Для военных действий в Китае и противодействия угрозе со стороны США такое количество сухопутных войск считалось избыточным, и только отвлекавшим на своё формирование и содержание средства, которые могли бы быть пущены на развитие ВМФ. Одним из немногих аргументов в пользу миролюбия Японии был периодически мелькавший в делопроизводственных документах тезис о сокращении этой страной военных расходов в связи с плачевным финансовым состоянием [Шулатов Я.А., 2008, с. 111–114, 222–224].

Русский агент Министерства финансов в Китае был с этим тезисом категорически не согласен и разъяснял своему начальнику, министру В.Н. Коковцову: «Я доносил уже и ещё раз повторяю: Японское Правительство не только не отказалось от намеченного тотчас после последней войны грандиозного плана вооружений, цель которого состояла в том, чтобы удвоить количественно и качественно свои сухопутные силы и устроить морские в виду того, что имевшаяся армия оказалась недостаточной для того чтобы нанести России решительный удар, но даже продолжает, по мере того как обнаруживаются новые потребности, постепенно развивать и дополнять его»¹⁴.

Он аргументировано доказывал, что к такому выводу можно было прийти только от неумения работать с японской финансовой документацией, называл сокращение расходов «кажущимся» и объяснял его тремя причинами.

1. При составлении в 1906 г. программы вся тяжесть расходов должна была лечь на первые годы, с тем чтобы затем, по истечении 5–6 лет сократиться до 2–3 млн в год. Предусмотренные новые формирования, перевооружение и укрепления в основном должны были быть готовыми в 1911 г., т.е. в максимально короткий срок, а уже затем «приступили бы к отделке деталей». Поэтому вполне закономерно, что, истратив громадные суммы на вооружение в 1907–1909 гг., правительство, согласно выработанному плану и в соответствии

¹² ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 3 об.–5.

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Д. 118. Л. 78–86.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 5.

с уже выполненными работами, «а вовсе не вследствие новых миролюбивых течений», имеет теперь возможность ассигновать менее крупные суммы на чрезвычайные военные издержки.

2. Из-за бюджетных проблем и ввиду «проявления крайнего миролюбия России», японское правительство действительно нашло возможным разложить некоторые менее важные расходы на большее число лет, не выходя при этом из рамок общего срока программы. С точки зрения готовности армии это вело лишь к тому, что меры, которые планировалось завершить к 1911 г., будут реализованы к 1913 г., но сроки реализации программы в целом от этого не изменятся.

3. Далеко не все, кто брался судить о финансовом положении Японии, имели реальное представление об особенностях её бюджетной политики, сильно отличавшейся от норм, принятых в европейских странах, поскольку в стране не было даже единого бюджета в западном понимании этого слова. «В Японии существует, кроме общеизвестного бюджета обыкновенных и чрезвычайных расходов ещё ряд дополнительных бюджетов, подробный отчёт которых не публикуется, и о которых лишь вкратце упоминается, что “расход покрывается приходом” и вот во многих случаях из этих бюджетов черпают то, что сокращается в общей росписи, так например, достаточно сказать, что в общем бюджете текущего года фигурируют следующие цифры военных издержек обыкновенных – 72 миллиона, чрезвычайных 15 миллионов, иначе говоря всего 87 миллионов иен, а истрачено в действительности было согласно мнению всех военных агентов [в] Японии – 147 миллионов»¹⁵. Таким образом, чтобы разобраться в финансовой политике государства, Л.В. фон Гойеру требовалось скрупулезно проанализировать все бюджеты, а не только государственную роспись доходов и расходов.

Последняя была сбалансирована в 1909 г. в сумме 516 млн против 554 млн расходов и 583 млн доходов 1908 г. Поверхностное знакомство с общими росписями на 1909 и 1908 гг. показало, что из документа на 1909 г. был исключён бюджет железных дорог, который год назад там ещё был. Поэтому при сравнительном анализе двух документов фон Гойер выделил его, для большей наглядности, и из бюджета 1908 г. По базовым цифрам получалось, что на 1909 г. обыкновенные расходы сократили на 38 млн, однако это было не так, поскольку помимо этих 516 млн (401 – обыкновенных и 115 – чрезвычайных) в 1909 г. расходовались ещё 11 911 021 иен, отложенных с прошлого года по невыполненной программе 14 103 000 иен «отложенных длительных расходов». Пополнялись они из остатка с предшествующего года в размере 25 914 000 иен. Следовательно весь бюджет 1909 г., помимо дополнительных особых бюджетов, достигал 542 млн расходов в сравнении с 554 млн прошлого года, что составляло всего на 12 млн меньше.

Наибольший интерес представляли именно чрезвычайные расходы, так как большинство их шло на сухопутные и морские вооружения. При сопоставлении этих показателей за 2 года оказалось, что в 1909 г. они составили 115 млн, а в 1908 г. – 159 млн, из чего напрашивалось заключение о сокращении таких расходов сразу на 44 млн. «Это однако то же было бы ошибочно, ибо чрезвычайные расходы заключаются почти исключительно из программных расходов, которые Правительство видоизменяет, откладывает и развёрстывает на большее число лет, но от которых оно отнюдь не отказывается, а также отчасти из расходов, которые Правительство легко может перевести в один из дополнительных или

¹⁵ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 5–5 об.

специальных бюджетов без того, чтобы это бросалось в глаза. В Японии нет единства кассы – вот что так затрудняет контролирование государственных расходов и что так облегчает Правительству мистификацию как иностранцев, так и самого народа», – мрачно констатировал Л.В. фон Гойер¹⁶. Значит, пропавшие миллионы нужно было искать где-то в другом месте.

Он принялся анализировать всю известную к этому времени русской разведке документацию по финансированию японской послевоенной программы усиления армии и флота¹⁷, двух её видоизменений и знакомиться с некоторыми из «запутанных специальных бюджетов». В целом картина получалась следующая. После окончания войны, в 1906 г. Правительство, приняло программу предстоящих чрезвычайных расходов на разные нужды общей суммой в 543 438 238 иен, к которой были прибавлены ещё старые невыполненные работы на сумму в 108 429 153 иен. Вся полученная таким образом сумма в 651 867 391 иен была распределена на 15 лет. Затем, израсходовав в течение первых двух лет без малого половину этой суммы на важнейшие нужды, Правительство, с одной стороны, нашло возможным дважды изменить эту программу «в смысле более равного распределения оставшейся суммы на предстоящие 12 лет», а также «в виду обнаружившихся новых нужд, нашло нужным увеличить программу» на 10 463 012 иен в 1908 г. и на 10 744 846 в 1909 г. (табл. 1, 2 и 3). «Поэтому, – заключал русский финансист, – несмотря на установившееся почти во всем мире, благодаря контролируемой японцами печати, мнение о сокращении программы расходов, пока следует говорить лишь об увеличении программы расходов на 21 миллион и о более равномерном распределении их на тот же 15 летний срок»¹⁸.

Таблица 1. Первоначальная программа 1906 г.

Год	Новые расходы	Старые невыполненные	Итог
1907	88 322 400	25 140 539	113 763 939
1908	88 377 035	21 318 025	109 695 060
1909	86 554 938	16 995 555	103 450 488
1910	76 445 551	14 990 093	90 435 644
1911	68 884 440	13 475 008	82 359 448
1912	55 416 249	11 430 916	66 847 165
1913	45 559 787	55 072 915	50 632 732
1914	6 459 201	–	6 459 201
1915	6 120 236	–	6 120 236
1916	6 963 864	–	6 963 864
1917	5 635 028	–	5 635 028
1918	2 562 119	–	2 562 119
1919	2 592 119	–	2 592 119
1920	2 329 788	–	2 329 788
1921	1 983 788	–	1 983 788
Всего:	543 438 338	108 429 053	651 897 397

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 6 об.–7.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 5 об.–6.

¹⁷ В документах Министерства финансов, реже – Военного министерства именуется «пост беллум-программа».

¹⁸ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 6–6 об.

Таблица 2. Первая изменённая программа 1908 г.

Год	Видоизменённая	Новые 10 млн	Итог
1907	Исполнено	–	–
1908	97 445 354	2 802 354	100 247 708
1909	73 312 931	2 653 766	75 966 697
1910	58 731 683	1 371 259	60 102 942
1911	83 922 688	926 179	84 848 867
1912	66 477 218	761 999	67 239 227
1913	56 382 757	647 879	57 030 636
1914	45 158 915	647 876	45 804 794
1915	32 271 799	–	32 271 799
1916	5 405 657	–	5 405 657
1917	5 027 621	–	5 027 621
1918	1 983 921	–	1 983 921
1919	1 983 921	–	1 983 921
1920	то же самое	–	”
1921	то же самое	–	”
Всего:	530 967 612	10 463 612	541 436 592

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 7.

Таблица 3. Вторая изменённая программа 1909 г.

Год	Видоизменённая	Новые 10 млн	Итог
1907	Исполнено	–	–
1908	Исполнено	–	–
1909	61 542 769	1 970 418	62 513 187
1910	51 114 904	1 175 041	52 289 945
1911	55 404 144	1 609 938	57 014 082
1912	51 957 880	2 276 770	54 234 650
1913	48 238 858	475 772	48 714 628
1914	46 250 397	396 745	46 647 142
1915	53 945 297	369 817	54 315 114
1916	27 570 782	458 496	28 029 278
1917	13 754 041	458 496	13 754 041
1918	10 661 706	458 496	11 120 212
1919	10 548 440	497 873	11 048 313
1920	1 983 912	597 014	2 580 926
1921	1 638 912	–	1 638 912
Всего:	434 148 545	10 744 876	444 893 421

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 7 об.

Анализ всех трёх программ по имевшимся к 1909 г. данным показывал, что итоги второй и третьей программы меньше первой, так как в них уже исполнены: в первой – мероприятия, запланированные на 1907 г., а в последней – ещё и на 1908 г. Сама же программа увеличена на 21 208 488 иен, и должна была быть закончена к тому же 1921 г., только сметы более равномерно распределены по бюджетным годам.

Для дальнейшего выяснения вопроса о японских вооружениях Л.В. фон Гойер подготовил 3 сравнительные таблицы: одну – показывающую, какая часть расходов «пост-беллум программы» была предназначена непосредственно на военные нужды, а две другие – сравнительные таблицы первоначальной и изменённой программы военного и морского ведомств (табл. 4, 5, 6)¹⁹.

Таблица 4. Сравнение всей программы с расходами на военные и морские нужды²⁰

Год	Вся сумма	Военные и морские нужды
1909	63 513 187	50 839 368
1910	52 289 945	39 093 654
1911	57 014 082	44 257 802
1912	54 234 650	44 076 928
1913	48 714 628	33 036 281
1914	46 647 142	37 118 057
1915	54 315 114	44 312 950
1916	28 029 278	21 265 600
1917	13 754 041	9 327 370
1918	11 120 212	6 961 838
1919	11 048 313	6 894 776
1920	2 580 926	Окончена
1921	1 633 912	–
Всего:	444 893 421	337 684 452

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 8.

Таблица 5. Сравнительная таблица первоначальной и изменённой программы военного ведомства

Год	Основная	Изменения 1908 г.	Изменения 1909 г.	Итог изменения	Изменения программы
1907	38 433 439	–	–	–	–
1908	39 198 008	3 182 991	–	–	36 016 017
1909	36 382 245	14 800 000	7 907 572	22 707 572	13 974 673
1910	24 833 761	19 900 000	602 509	20 592 509	4 241 252
1911	18 522 474	13 600 000	17 963 633	4 363 653	14 158 821
1912	5 066 884	10 000 000	4 966 888	5 038 112	10 104 996
1913	2 202 136	8 945 579	128 846	9 074 425	11 276 561
1914	1 967 093	5 054 431	365 763	4 688 653	7 655 746
1915	1 923 128	272 991	4 386 915	4 669 906	6 593 034
1916	1 916 481	–	6 645 582	–	8 562 063
1917	2 710 345	–	6 617 041	–	9 327 390
1918	–	–	6 861 838	–	6 861 938
1919	–	–	6 894 776	–	6 894 776

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 8–8 об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 6 об.–7 об.

²⁰ Сюда следовало бы прибавить для полноты картины 85 095 734 иены, израсходованные на те же цели в 1907 г. из общей суммы в 113 768 939 иен, и 79 792 017 иен из суммы в 100 247 708 иен в 1908 г.

Таблица 6. Сравнительная таблица первоначальной и изменённой программы морского ведомства

Год	Основная	Изменения 1908 г.	Изменения 1909 г.	Итог изменения	Изменения программы
1907	46 662 295	–	–	–	–
1908	48 744 536	4 967 971	–	–	43 776 565
1909	48 808 084	11 383 389	1 250 000	12 633 389	36 164 695
1910	48 192 104	9 373 300	2 866 602	12 239 902	35 852 202
1911	49 272 239	11 953 133	7 220 115	19 173 248	30 098 981
1912	52 320 140	11 244 969	7 103 239	18 463 084	33 931 932
1913	35 939 586	4 812 496	9 366 370	14 179 876	21 759 720
1914	–	28 954 900	1 507 406	30 462 306	30 462 306
1915	–	23 780 248	13 449 666	38 229 924	38 229 924
1916	–	–	12 703 577	–	12 703 577

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 8 об.

Изучив финансовую составляющую программ и их изменений, он сделал следующие выводы:

1. «Изменение размеров программы пока выражается только в ежегодном увеличении её приблизительно на десять миллионов иен».

2. Более равномерное распределение расходов отразится на военных приготовлениях в том смысле, что флот будет готов на три года позже, чем первоначально предполагалось, т.е. не в 1913 г., а в 1916 г., а армия – на два года позже – в 1919 г., а не в 1917 г. При этом он подчёркивал, что по мнению специалистов, т.е. В.К. Самойлова, «существенные части армии будут готовы к 1913–14 г. (ранее предполагалось к 1911), а потом предстоит лишь отделка менее важных деталей».

3. «Из сопоставления этих программ и их видоизменений с специальными бюджетами, можно заключить, что часто то, что откладывается по общему бюджету, исполняется по дополнительному»²¹.

А значит без знакомства с японскими специальными бюджетами, а также «с курьёзной перетасовкой расходов по разным ведомствам» обойтись было невозможно. Таких бюджетов было сравнительно много, но для получения важнейших данных хватало и изучения основных, к которым относились: «Бюджет железных дорог, выделенный в прошлом году, Формоза, Квантун, Сахалин, Концессия в Китае, затем Монетный двор, Сберегательные кассы, университеты, лесоводство, сталелитейный завод Вакамацу, военные и морские арсеналы». Доходы в них в теории должны были балансироваться, а дефициты покрываться особыми займами. Русская разведка знала, что по этим специальным бюджетам тоже была составлена особая «пост-беллум программа», в сумме – 133 758 729 иен, исполнение которой также рассчитано на 15 лет. Таким образом, вся предстоящая программа в комплексе исчислялась в сумме 578 652 160 иен.

Работа с этими документами была на порядок сложнее, чем с основным бюджетом. Во многих случаях Л.В. фон Гойеру приходилось проявлять чудеса финансовой грамотности,

²¹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 8 об.–9.

чтобы хотя бы разобраться, откуда берутся деньги и куда они исчезают. Огромную роль здесь сыграла и эрудиция В.К. Самойлова, прекрасно изучившего к этому времени японские военные реалии. В этом отношении показательна история с бюджетом арсеналов. «В официальном отчёте сказано: Арсенал в Токио, доход 18 620 000; расход 18 505 000. Арсенал в Осаке: доход 13 838 000, расход 13 228 000 иен. Какие же могут быть доходы? Всем известно, что арсеналы эти работают днём и ночью для исполнения заказов военного ведомства и частных работ не исполняют почти никаких. Морские арсеналы действительно окупают до известной степени свои расходы благодаря частному судостроению, что же касается военных арсеналов, то по сведениям нашего военного агента, они за весь год исполнили лишь несколько ничтожных заказов, как-то выделку железных решёток и тому подобные изделия, суммой на несколько сот тысяч иен. Частные заказы, вероятно, и дали тот излишек доходов над расходами, т.е. 725 000 иен; остальные 32 миллиона были взяты из кассы военного ведомства, но не показаны по общему бюджету»²².

В итоге удалось разобраться, что бюджет крайне запутывался «вследствие отнесения некоторых расходов в графу несоответствующего ведомства», причём делалось это явно намеренно. И тогда Л.В. фон Гойер, работавший в аппарате русского Министерства финансов в Маньчжурии еще при С.Ю. Витте (имело собственные железные дороги, войска и т.д.), и В.К. Самойлов принялись собирать бюджет военного ведомства по всем доступным им статьям и бюджетам. В общем бюджете, «составленном для публики», фигурировали лишь 72 млн обыкновенных и 15 млн чрезвычайных расходов. Восстановленная же ими действительная смета выглядела следующим образом: 72 291 842 иен – обыкновенные расходы, 15 440 223 – чрезвычайные расходы, 36 978 824 – арсеналы и суконная фабрика Сендзю (по отдельному бюджету), 11 911 034 – отложенные с 1908 г. по невыполненной программе (покрывались из остатков прошлого года), 7 286 800 – по отдельному бюджету из сметы будущего года, 3 630 000 – на содержание войсковых команд в Корее (показано в смете Министерства финансов). Всего получилось 147 538 013 иен, а не 87 млн, как явствовало из общего бюджета, т.е. почти в 2 раза больше. В представленном министру финансов В.Н. Коковцову отчёте было указано, что «эта цифра совершенно достоверна». Столь категоричные утверждения встречаются в документах, связанных с работой русской разведки на Дальнем Востоке, до крайности редко, что говорит об абсолютной уверенности двух аналитиков в точности проведённых расчётов. Как сотрудника Министерства финансов, Л.В. фон Гойера смущало только то, что цифра получилась не круглая. Поэтому он указал, что вероятно к ней следует прибавить стоимость содержания 6 батальонов охранной стражи в Маньчжурии – ещё 1 668 710 иен, «которые хотя и показаны в общей смете Военного Министерства, всё же вероятно, согласно первоначальному условию, возмещается ему Южно-Маньчжурской дорогой и мы тогда получим круглую сумму в полтора миллиона расходов в текущем году на нужды армии».

Получалось, что за войска в Корее платит Министерство финансов, а за войска в Маньчжурии – дорога. В бюджет Морского министерства почему-то не был внесён дефицит сталелитейного казённого завода Вакамацу, работающего на него, а дефицит этот в сумме 1 800 000 иен отыскан в смете Министерства земледелия и торговли. «Одним словом суммы, касающиеся исключительно Военного и Морского ведомств заносятся в сметы

²² ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 9.

других Министерств. Кроме того существует ряд специальных бюджетов и наконец прибегают к дополнительным расходам якобы из сбережений предыдущего года и ещё захватывают вперёд кредиты предстоящих лет. Такими жонглированиями настолько запутывается бюджет, что сбитая с толку публика начинает действительно верить в сокращение расходов и направление их в сторону культурного производительных целей»²³.

Несколько «курьёзных совпадений» Л.В. фон Гойер описал для своего начальника достаточно подробно. Согласно последней изменённой программе (табл. 5) в 1909 г. «всего отложено военных расходов на 22 707 572 иен; не странно ли это совпадение, что не фигурирующие в общем бюджете Военного Министерства и израсходованные помимо него, как видно из приведённого выше полного военного бюджета, 11 900 000 плюс 7 200 000 плюс 3 600 000 иен составляют как раз 22 700 000 иен. Не значит ли это, что они только для вида отложены, а в действительности израсходованы, не значит ли это даже, что программа на соответствующую сумму увеличена, так как, когда согласно развёрстке наступит время их израсходования, Военное Ведомство едва ли откажется от своих кредитов»? Не менее показательным был и другой пример. В подробной смете отложенных расходов Военного министерства фигурировала цифра – 900 000 иен на покупку земли под казармы. Из чего можно было заключить, что постройка казарм до отпуска этих денег откладывается. На деле же казармы уже строились, а вот земля под ними была приобретена с платежом в рассрочку. «Таким образом, – заключал Л.В. фон Гойер, – я утверждаю, что Военное Ведомство никаких расходов не сократило, ни от каких расходов не отказалось – в крайнем случае отложило готовность армии на два года, и что это ещё под большим сомнением»²⁴.

Источники военных расходов и гипотеза о тайном фонде

Скрупулёзное изучение военных расходов Японии позволило фон Гойеру сделать ещё один немаловажный вывод – на осуществление не покрываемых общим бюджетом военных расходов требовался особый негласный источник дохода. Например, в подробной смете Военного министерства, занимающей несколько страниц, была проставлена чуть ли не каждая пуговица на солдатском мундире, но вовсе не упоминалось о постройке крепости в Гензане, о постройке складов и казарм на северо-востоке Кореи, о работах в порте Чончжин. «На какие же средства производятся эта грандиозные вооружения? На какие средства финансируются и субсидируются плеяды японских негласных агентов в Китае, всей Восточной Азии и даже в Европе»? – резонно ставил вопрос русский финансовый агент в Китае²⁵. Тот факт, что откуда-то поступают секретные средства, был совершенно очевиден. Оставалось только найти, откуда.

Чтобы получить ответ, ему снова пришлось углубиться в исследование общей картины японских финансов, только на этот раз с упором не на расходные статьи, а на доходные. В России знали, что до 1908 г. средства на различные экстраординарные расходы черпались из особого военного фонда, который на основании особых императорских указов был открыт 1 октября 1903 г. и закрыт 1 апреля 1907 г., а всего разрешён в сумме 1 746 421 841 иен. Из

²³ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 9 об.–10.

²⁴ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 10.

²⁵ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 10–10 об.

них израсходовано было до его закрытия 1 508 472 838 иен, 100 млн изъято на покрытие дефицита 1907 г. и ещё 137 млн осталось.

На следующее десятилетие Министерство финансов составило план государственной росписи доходов и расходов, т.е. бюджетную программу, на основании которой актив и пассив должны были сбалансироваться без дефицита (табл. 7, 8). За весь 11-летний период превышение доходов над расходами должно было составить сумму в 154 981 889 иен, которую предполагалось израсходовать по особой программе, составляющей как бы особый бюджет (табл. 9). Таким образом, ещё оставались неизрасходованными 61 500 843 иен, которые предполагалось использовать на покрытие непредвиденных расходов, которые могли возникнуть в течение этого десятилетия²⁶.

Таблица 7. Бюджетная программа на 1909–1919 гг.

Доходы			
Год	Обыкновенные	Чрезвычайные	Всего
1909	470 667 970	34 777 830	505 445 800
1910	471 826 739	24 654 565	496 481 304
1911	480 661 681	25 213 452	505 880 133
1912	485 643 917	24 854 815	510 498 732
1913	485 744 417	24 419 662	510 164 079
1914	485 744 417	23 223 467	508 972 884
1915	485 744 917	22 523 447	508 167 864
1916	485 743 626	22 171 067	507 914 693
1917	485 739 072	21 084 491	506 823 563
1918	485 739 072	21 003 491	506 742 563
1919	485 739 072	20 998 401	506 737 473
Расходы			
1909	400 912 102	115 288 693	516 200 795
1910	408 832 777	94 352 853	503 185 630
1911	411 926 909	96 282 446	508 209 355
1912	410 452 247	86 910 410	497 362 657
1913	412 103 257	81 760 789	493 864 048
1914	412 764 371	87 289 248	500 153 619
1915	415 082 732	93 849 452	508 932 134
1916	416 592 390	66 470 670	483 063 060
1917	417 993 560	52 353 569	470 347 129
1918	418 783 864	49 692 480	468 476 354
1919	419 556 992	49 595 328	469 152 320

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 10 об.–11.

²⁶ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 10 об.–11 об.

Таблица 8. Разница между доходами и расходами по бюджетной программе на 1909–1919 гг.

1909	10 754 995	1915	664 370
1910	6 704 326	1916	24 851 633
1911	2 329 222	1917	36 476 454
1912	13 136 075	1918	38 266 209
1913	16 300 033	1919	37 585 753
1914	5 819 265	–	–

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 11.

Таблица 9. Программа расходования части суммы превышения доходов над расходами, полученной по бюджетной программе на 1909–1919 гг.

Год	Отложенные длительные	Чрезвычайные	Всего
1909	14 103 803	11 911 024	25 014 827
1910	6 890 943	7 504 188	14 395 121
1911	5 785 000	1 650 000	7 435 000
1912	2 415 000	3 981 983	6 396 983
1913	635 000	–	635 000
1914	650 000	3 000 000	3 650 000
1915	100 000	5 257 009	5 357 009
1916	–	7 399 274	7 399 274
1917	–	то же самое	то же самое
1918	–	”	”
1919	–	”	”
Всего:	30 579 746	62 901 300	93 481 046

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 11 об.

В общем план получался достаточно стройный, но не без странностей. Повышение обыкновенных доходов с 438 до 470 млн объяснялось новыми поступлениями с табачной монополии и с сакэ, дальнейшее возрастание после 1912 г. – пересмотром в этом году таможенных договоров с иностранными державами; чрезвычайные доходы в размере около 20 млн также представлялись нормальными. Однако всё это не объясняло источника специальных и секретных расходов.

«Точных и вполне достоверных указаний, – отмечал Л.В. фон Гойер, – и быть не может, ибо это дело секретное, но можно делать более или менее хорошо обоснованные предположения. К числу таковых принадлежит мнение, разделяемое некоторыми компетентными иностранными агентами, будто Правительство постоянно показывает доходы в несколько уменьшенном размере, а разницу тратит на секретные нужды»²⁷. В связи с этим его очень заинтересовала статья, появившаяся в марте 1909 г. «в серьёзном финансово-экономическом журнале “Июкохама Бозэки”, в которой подробно исчисляется остаток, остававшийся каждый год за последние 18 лет, приводится то что из него израсходовано и что должно было остаться». Остатки приводились от всех доходов, включая займы и военный фонд (табл. 10).

²⁷ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 11 об.

Таблица 10. Ежегодный бюджетный остаток и непредвиденные расходы за 1890–1908 гг.

Год	Остаток	Расходы непредвиденные
1890	24 343 950	–
1891	19 675 597	197 716
1892	24 727 171	–
1893	5 748 422	6 001 686
1894	20 041 385	2 252 310
1895	33 115 541	719 217
1896	18 162 914	2
1897	2 711 278	5 252 645
1898	296 558	1 723 418
1899	88 956	–
1900	3 104 809	748 165
1901	7 502 224	–
1902	8 114 693	3 465 908
1903	10 624 626	5 868 949
1904	50 411 253	11 251 720
1905	57 160 585	36 254 931
1906	65 975 497	9 474 950
1907	254 680 133	6 976 056
1908	–	5 366 787
Всего:	606 485 622	95 553 597

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 12.

Разница между бюджетными остатками и непредвиденными расходами получалась в 510 932 025 иен. 100 млн из них были взяты на покрытие бюджетного дефицита 1907 г., 137 млн осталось от военного фонда (по данным из французских источников 65 млн – наличными и 72 млн – в разрешённых, но ещё не выпущенных займах).

Ответа на вопрос, где же остальные 273 млн, ни документы, имевшиеся в распоряжении русского агента Министерства финансов в Китае, ни В.К. Самойлов, ни французские союзники дать не могли. Основываясь на косвенных данных, Л.В. фон Гойер предположил, что деньги эти составляют тот золотой фонд, который Правительство держит в Лондоне. Сомнений в самом наличии фонда у него не было, поскольку слухи об этом ходили давно, а в 1908 г. товарищ министра финансов Японии, в ответ на прямой запрос оппозиции, не стал оспаривать факт существования фонда (сведения об этом просочились в прессу). Размеры его неоднократно определялись в сумме от 200 до 300 млн иен, поэтому цифра 250–270 млн воспринималась русским финансистом как недалёкая от истины. «Вот из этого-то фонда, – докладывал он В.Н. Коковцову, – а также из сумм, проистекающих от излишка действительных доходов над показываемыми, Японское Правительство черпает необходимые на покрытие расходов по негласным сметам и в частности деньги на производство разных работ и сооружений с целью усиления своей военной мощи, которые оно желает сохранить в секрете. И результат получился тот, что весь мир проникся идеей о японских миролюбивых планах и намерениях, и о серьёзном стремлении её привести в порядок своё финансовое хозяйство; от этого поднялся её кредит и в то же время усыплено было внимание держав, а Япония между тем уже в полтора раза сильнее чем была в прошлую кампанию и будет

в два раза сильнее по истечении пяти лет. Она тогда будет фактическим хозяином Дальнего Востока и можно ли предположить, что она удовольствуется абстрактным сознанием своего превосходства. Можно ли ожидать, что имея тогда возможность диктовать свои условия, она будет спокойно выжидать пока мы заселим и укрепим ныне беззащитную дальневосточную окраину?»²⁸

Против кого вооружается Япония?

В отличие от своего начальника, министра финансов В.Н. Коковцова, побывавшего на Дальнем Востоке в том же 1909 г. и считавшего, что с опасениями местных властей и населения об угрозе со стороны Японии нужно бороться²⁹ [Авилов Р.С., 2016, с. 38–47; Авиллов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., 2016, ч. III, с. 27–35], Л.В. фон Гойер полагал, что такая угроза действительно существует. Совместная работа с В.К. Самойловым, талантливым офицером Генерального Штаба, прекрасным военным аналитиком и, кстати, большим ценителем Японии, лишь укрепила его убеждения. Вместе они в деталях разобрали уже проведённые Страной восходящего солнца в рамках послевоенной программы меры по усилению армии и военно-морского флота. Проанализировали численный состав войск, вооружение, стратегическое положение страны на континенте и состав военно-морского флота³⁰. Все эти данные легли в обобщённом виде на стол будущему (с 1911 г.) премьер-министру В.Н. Коковцову. То, что Япония была уже в полтора раза сильнее, чем накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. и будет в два раза сильнее в 1913–1914 гг., было очевидно.

«Итак Япония, несмотря на скудное финансовое положение, продолжает вооружаться с неослабной энергией и делает всё возможное для того, чтобы в ближайшем будущем иметь сильнейшую армию и грозный флот. Против кого же направлены эти вооружения? Для того чтобы защититься от совершенно невероятного нападения со стороны Англии, Германии, Франции, Америки, Австрии такая сухопутная армия была не нужна – в крайнем случае нужен флот, который у Японии был и продолжал строиться. Нападать на эти страны Япония также не собиралась и не могла, вследствие географических условий; «для нападения же на их колонии Филиппины, Индо-Китай, Киау-чау и десятой части имеющейся армии довольно». Из этого делался вывод, что объектом применения японских вооружений может быть только Россия или Китай. Однако для войны с Китаем осадный парк с суммарной численностью в 1000 орудий³¹ (по данным русской военной разведки в Японии их предполагалось иметь к концу 1914 г.) был не нужен – таких крепостей там просто не было³². Не нужен он был и для операций против европейских или американских колоний на Тихом океане, тоже не имевших крепостей с мощным сухопутным фронтом. Единственной крепостью в зоне досягаемости японской армии и флота, обладавшей не только серьёзной

²⁸ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 12–12 об.

²⁹ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303. Л. 35–36, 41 об.

³⁰ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 13–14.

³¹ В сохранившейся в ГА РФ машинописной копии отчета Л.В. фон Гойера указано 2000 орудий [ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 15], что является явной опечаткой. В 1910–1914 гг. в документах центрального аппарата Военного министерства и штаба Приамурского военного округа стабильно фигурирует цифра около 1000 осадных орудий. См., напр.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 220. Л. 45.

³² ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 14 об.–15.

береговой обороной, но и значительным сухопутным фронтом, взятие которой требовало от противника продолжительной осады с применением тяжёлой артиллерии, был Владивосток. Построенные там накануне и в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. береговые и сухопутные укрепления заметно превосходили по силе Порт-Артурские [Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., 2013, ч. I, с. 122–281], с которыми японцам пришлось возиться 328 дней, сняв для этого 11-дюймовые (280 мм) гаубицы с береговых батарей г. Осака [Kirchner, p. 88–101]. Вряд ли является совпадением, что в первой половине того же 1909 г. японский посол в Петербурге Мотоно Итиро упорно отговаривал Николая II от строительства новых оборонительных сооружений во Владивостоке, демонстрируя фантастическую осведомленность о состоянии крепости и текущих работ по её усилению и, указывая, что «государь имеет полную возможность вовсе не строить укрепления, поскольку Япония и не помышляет о каких бы то ни было действиях» [Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., 2014, ч. II, с. 101; Коковцов В.Н., 2004, с. 324–327]! Эффект, правда, оказался прямо противоположный – Владивосток за 1910–1914 гг. превратился из «брата Порт-Артура» в одну из сильнейших приморских крепостей мира с мощнейшим сухопутным обводом [Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., 2014, ч. II, с. 101–297; ч. III, с. 233–497].

Не остался незамеченным Л.В. фон Гойером и В.К. Самойловым и процесс замены в японских дивизиях горных орудий полевыми, который указывал на приспособление армии к будущему театру военных действий – Северной Маньчжурии, а также на уверенность в успехе наступательной кампании, с перенесением сферы действий в русскую зону. Это было очевидно, поскольку для ведения боевых действий в Южной Маньчжурии и Корее нужны были не полевые, а наоборот горные орудия³³. При этом накануне Японо-китайской войны 1894–1895 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг., которые предполагалось вести на Корейском полуострове и в Южной Маньчжурии, в Японии, в отличие от России, наблюдался обратный процесс: в армии активно развивали в первую очередь именно горную артиллерию. Тогда эта информация была своевременно доставлена военной разведкой, но интереса у военного министра А.Н. Куропаткина не вызвала³⁴.

Все эти данные наглядно свидетельствовали, что даже если японские политики и не рассматривают более Россию в качестве основного и наиболее вероятного противника Японии в регионе, то военные круги однозначно продолжают готовить армию к войне именно с Россией. Это значило, что угроза военного конфликта между странами всё ещё не исчезла. Оставался лишь вопрос: когда он возможен и при каких обстоятельствах? И тогда Л.В. фон Гойер, на основе всех имевшихся в его распоряжении финансовых и военных документов, а также многолетнего опыта аналитической работы в регионе, делает два вывода:

1. «Из всего сказанного, а также из общего настроения масс в Японии можно заключить, что нам не угрожает немедленная опасность войны. Японскому характеру свойственна аккуратность, щепетильность и некоторая доля педантизма. Он должен в точности выполнить намеченное, выработанное. К 1914 году страна будет совсем готова и к тому времени вероятно Правительство заговорит. Разумеется обстоятельства могут сложиться так, что Япония возвысит свой голос и раньше; блестящую оказию из-за педантизма

³³ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 15.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 271. Карт. 11. Ед. хр. 1. Л. 77–79, 174.

она не пропустит – но я имею в виду нормальный ход событий»³⁵. Иными словами, он категорически утверждал, что до 1914 г. Япония на Россию точно не нападет, если русские политики опять не наделают роковых ошибок.

2. Отвечая на вопрос, какими мерами России следует реагировать на военные приготовления Японии и складывающуюся на Дальнем Востоке внешнеполитическую ситуацию, он писал: «Мне кажется на это можно дать два ответа. Первый: надо быть сильным на Востоке, противопоставив японским вооружениям свои вооружения. Япония слишком осторожна, чтобы пускаться в рискованные авантюры и ставить на карту своё существование; она идёт только напервяка. Не надо только вводить её в искушение. Естественно то, чтобы Япония в преследовании своей экспансивной политики шла в сторону наименьшего сопротивления, если бы Россия стала грозной военной Державой на Востоке, то быть может ещё наступательное движение Японии могло бы быть отвлечено в иную сторону, быть может этим удалось бы направить японскую энергию в другое русло»³⁶.

Первый вывод имел огромное значение для подготовки Российской империи к «большой Европейской войне». Второй – вообще оказался пророческим, точно определив характер отношений между двумя странами до 1945 г. Оба вместе – формулировали общую концепцию, как вести оборонную политику в регионе, чтобы российский Дальний Восток по-прежнему оставался российским, а не стал внезапно японским.

Выводы

Дальнейший ход русско-японских отношений и характер подготовки России к Первой мировой войне и возможной новой войне на Дальнем Востоке показал, что эти советы не остались без внимания. Основные силы империи были брошены на укрепление оборонного потенциала на западных границах, однако и на Дальнем Востоке была выстроена могучая Владивостокская крепость, на постоянной основе находилась группировка войск, минимально достаточная для удержания важнейших пунктов региона до подхода подкреплений из Сибири, а при необходимости – и Европейской России. Таким образом, регион не оттягивал на свою оборону избыточные финансовые средства, но и лёгкой добычей ни при каких обстоятельствах стать не мог.

Следует подчеркнуть, что для исследования русской политической и военной линии в отношении Японии наибольшее значение имеет не сколько реальная обстановка в этой стране, столько то, как эта обстановка описывалась, анализировалась и оценивалась в поступающих в Петербург донесениях. Именно на их основе принимались решения в области как внешней, так и оборонной политики России на Дальнем Востоке. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. в русском Военном и Морском министерствах наконец усвоили, что Япония начинает войны только после полного завершения очередных военных и военно-морских программ. По окончании первого этапа военного строительства 1881–1894 гг. началась Японо-китайская война 1894–1895 гг., второго 1895–1904 гг. – Русско-японская война 1904–1905 гг., а значит следующая начнётся не ранее завершения очередного, третьего, этапа.

³⁵ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 14 об.

³⁶ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 17–17 об.

Поэтому получаемые от русской финансовой разведки сведения, что, с высокой долей вероятности, Япония будет «совсем готова» к новому конфликту не ранее 1914–1915 гг., имели огромное значение. Дипломатам они позволили сосредоточиться на улучшении двусторонних отношений, военным – на повышении обороноспособности не только азиатских, но и европейских военных округов, правильно распределив силы и ресурсы между Дальневосточным ТВД, где новая война с Японией оценивалась как в перспективе возможная, и Европейским, где «большая война» считалась в ближайшем будущем неизбежной. Концентрация основных усилий именно на подготовке к войне в Европе, курс на более тесные дружеские отношения с Японией, получивший в историографии название «золотого века русско-японских отношений», и разработка планов переброски войск Приамурского военного округа на Европейский ТВД в случае необходимости, базировались не только на проведённом русскими дипломатами скрупулёзном анализе внешнеполитической ситуации в регионе, но и на тонком расчёте финансовых возможностей империи Микадо, выполненном в 1909 г. при тесном взаимодействии российского военного и финансового ведомств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авилов Р.С. По Транссибу на Восток. Визит министра финансов В.Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 38–49. DOI:10.17223/15617793/405/5

Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I–IV. Владивосток: Дальнаука. 2013–2016.

Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. II. Москва: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. 608 с.

Алексеев М.Ю., Печкалов А.В. Министры финансов: от Российской империи до наших дней. 2-е изд. Москва: Альпина Паблишер. 2019. 572 с.

Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва. 2003. 213 с.

Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. Москва: Междунар. отношения, 1989. 336 с.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест. 2004. 896 с.

Кутаков Л.Н. Россия и Япония. Москва: Наука. 1988. 383 с.

Маринов В.А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905–1914 гг.). Москва: Наука. 1974. 152 с.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. Москва: АИРО-XXI. 2012. 656 с.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: неизвестные и забытые страницы русско-японских отношений (1899–1929). Москва: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель». 2005. 369 с.

Павлов Д. Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние // Acta Slavica Iaponica. 2005. Tomus 22. P. 53–72.

Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. Москва: Материк. 2004. 464 с.

Подалко П.Э. Военный агент в Японии генерал В.К. Самойлов (1903–1916 гг.) – из истории российской дипломатии XX века // *Japanese Slavic and East European Studies*. 2001. Vol. 22. P. 73–109.

Подалко П.Э. Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906–1913 гг.) // Ежегодник Японии. 2001–2002. Москва: «МАКС-Пресс». 2002. С. 362–387.

Подалко П.Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. Москва: Институт Востоковедения РАН, Крафт+. 2004. 352 с.

Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). Москва: ОЛМА Медиа Групп. 2015. 704 с.

Шишкин В.И. Гойер Лев Викторович // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Ист. наследие Сибири. 2009. Т. 1. С. 394.

Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск – Москва: Институт востоковедения РАН. 2008. 320 с.

REFERENCES

Alekseev, M. (1998). *Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II. Kn. II*. [Russian military intelligence from Rurik to Nicholas II. Vol. II]. Moscow: Izdatel'skii dom «Russkaya razvedka», ИА «Evrasya+». (In Russian).

Alekseyev, M. Yu., & Pechkalov, A. V. (2019). *Ministry finansov: ot Rossiiskoi imperii do nashikh dnei* [Ministers of Finance; from the Russian Empire to present days] (2nd ed.). Moscow: Al'pina Publisher. (In Russian).

Avilov, R. S. (2016). Po Transsibu na Vostok. Vizit ministra finansov V.N. Kokovtsova v Priamurskii voennyi okrug v 1909 g. [By the Trans-Siberian Railway to the East: the visit of Minister of Finance V.N. Kokovtsov to the Priamur Military District in 1909]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 405, 38-49. (In Russian).

Avilov, R. S., Ajushin, N. B., & Kalinin, V. I. (2013-2016). *Vladivostokskaya krepost': voiska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. Ch. I–IV* [Vladivostok Fortress: troops, defenses, events, persons. Part I–IV]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).

Dobychina, E. V. (2003). *Vneshnyaya razvedka Rossii na Dal'nem Vostoke 1895–1904 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian foreign intelligence in the Far East, 1895–1904. Candidate of History Dissertation]. Moscow. (In Russian).

Ignat'yev, A. V. (1989). *S.Yu. Vitte – diplomat* [S.Yu. Vitte as diplomat]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian).

Kokovtsov, V. N. (2004). *Iz moego proshlogo (1903–1919): Vospominaniya. Memuary* [From my past; recollections (1903–1919): Memoirs]. Minsk: Kharvest. (In Russian).

Kutakov, L. N. (1988). *Rossiya i Yaponiya* [Russia and Japan]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Marinov, V. A. (1974). *Rossiya i Yaponiya pered pervoi mirovoi voinoi (1905–1914 gg.)* [Russia and Japan before World War I (1905–1914)]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2005). *Rossiya i Yaponiya: poverkh bar'erov: neizvestnye i zabytye stranitsy rossiisko-yaponskikh otnoshenii (1899–1929)* [Russia and Japan: overflowing the barriers: unknown and forgotten pages of Russo-Japanese Relations (1899–1929)]. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST», ООО «Izdatel'stvo Astrel'». (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2012). *Rossiya i Yaponiya: v poiskakh soglasiya (1905–1945). Geopolitika. Diplomatiya. Lyudi i idei* [Russia and Japan in search of concordance (1905–1945). Geopolitics. Diplomacy. Peoples and ideas]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Pavlov, D. (2005). Kitai, 1904–1905: russko-yaponskoe ideino-propagandistskoe protivostoyanie [China, 1904–1905: Russo-Japan ideological and propaganda rivalry]. *Acta Slavica Iaponica*, 22, 53–72. (In Russian).

Pavlov, D. B. (2004). *Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg.: Sekretnye operatsii na sushe i na more* [Russo-Japanese War of 1904–1905: Secret operations on land and on sea]. Moscow: Materik. (In Russian).

Podalko, P. E. (2001). Voyennyi agent v Yaponii general V.K. Samoilo (1903–1916 gg.) – iz istorii rossiiskoy diplomatii XX veka [Russian Military Agents in Japan – General V.K. Samoilloff (1903–1916) – from the history of Russian diplomacy of the 20th century]. *Japanese Slavic and East European Studies*, 22, 73–109. (In Russian).

Podalko, P. E. (2002). Iz istorii rossiiskoi voenno-diplomaticheskoi sluzhby v Yaponii (1906–1913 gg.) [From the history of Russian Military-Diplomatic Service in Japan (1906–1913)]. In *Yearbook Japan* (pp. 362–287). Moscow: Izdatel'stvo «MAKS-Press». (In Russian).

Podalko, P. E. (2004). *Yaponiya v sud'bach rossiyan: Ocherki istorii tsarskoi diplomatii i rossiiskoi diaspory v Yaponii v kontse XIX – nachale XX veka* [Japan in the destiny of Russians: essays on Tsarist diplomacy and Russian diaspora in Japan in late 19th – early 20th century]. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Sarkisov, K. O. (2015). *Rossiya i Yaponiya. Sto let otnoshenii (1817–1917)* [Russia and Japan. Hundred years of relations (1817–1917)]. Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russian).

Shishkin, V. I. (2009). Goier Lev Viktorovich [Goyer Lev Viktorovich]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Siberian Historical Encyclopedia. In 3 vol.]. Novosibirsk: Ist. naslediy Sibiri. Vol. 1, 394. (In Russian).

Shulатов, Ya. A. (2008). *Na puti k sotrudnichestvu: rossiisko-yaponskie otnosheniya v 1905–1914 gg.* [The way to partnership: Russo-Japanese relations in 1905–1914]. Khabarovsk–Moscow: Izd-vo Instituta vostokovedeniya RAN. (In Russian).

* * *

Kirchner, D. P. (1998). Guarding Osaka: the Yura Fortress. *The Coast Defense Study Group Journal*, 12 (1), 88–101.